

ЖИЗНЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВОСХОЖДЕНИЕ

ковой палитры. Одновременно им свойствен и органичный молдавский колорит, и непосредственность лирического высказывания.

Взаимосвязь, сплав личного с народным, субъективного с объективным, выразительного и образительного начал характеризуют, пожалуй, все произведения Г. Няги.

О чем говорит сравнение его сочинений, созданных в начале творческого пути, с произведениями последних лет? Прежде всего о том, что многие элементы стиля пронесены автором от его первых шагов в композиции до сегодняшнего дня. И тогда, и сейчас его музыка свойственна эмоциональная щедрость, красочность, глубокая национальная почва. Но насколько эволюционировала каждая из этих граней его искусства!

От светлой созерцательности композитор приходит к напряженному драматизму, от бесхитростного любования народным искусством — к его претворению в плане обостренно-психологическом, от многоречивости — к сжатости и концентрированности высказывания. Краски его последних сочинений не менее ярки и рельефны, чем первых, хотя они меньше бросаются в глаза: то, что раньше во многом было целью творческого процесса, теперь стало средством для выражения глубоких идей, сложных концепций. Не теряя своей красоты и гармонии, музыка Г. Няги проникается острой внутренней борьбой.

Этапным произведением в творчестве Г. Няги явилась Вторая симфония. Словно ветер с улицы ворвался в партитуру композитора, неся с собой тепло солнечного света и холод ночного мрака, приветливость утра и угрюмость сумерек. Небо прекрасно, но не всегда безоб-

лачно, жизнь сложна и противоречива. Полновесно и многогранно отобразить ее, властно повести слушателя за собой — задача, доступная художнику только тогда, когда он сам остро и пронизительно видит жизнь, сам в полной мере ощущает ее радости и скорби, борьбу мыслей и чувств. Именно поэтому музыка симфонии сумела увлечь и захватить аудиторию. Она получила высокое общественное признание, была удостоена Государственной премии республиканской.

В рамках газетной статьи нет возможности останавливаться на всех произведениях Г. Няги, скажем несколько слов лишь об одном из них, с которым слушателю только предстоит познакомиться. Это — опера «Барбу Лэутару» (автор либретто — поэт Г. Димитриу).

В ее основу лег исторически достоверный эпизод из жизни замечательного народного музыканта Барбу Лэутару — любовь к крепостной девушке Глире, насильно разлученной с возлюбленным и покончившей жизнь самоубийством.

Пожалуй, ни об одном музыкальном жанре не спорят так много, как об опере. Особенно часто достается опере, в которой пение солистов-виртуозов подавляет все остальное. Сегодня такая опера почти ушла в прошлое. Между тем наступление на «права» пения продолжается, и симпатия к нему расценивается порой чуть ли не как проявление консерватизма.

Г. Нягу трудно упрекнуть в рутинерстве. Он всегда смело нарушал, если этого требовал художественный образ, обтекаемость линий и безмятежность благозвучия. Вспоминается, как во время первого прослушивания Второй симфонии многих озадачило непривычное соотношение моторных и медленных эпизодов; автору советовали сократить для общей уравновешенности формы исполненную драматических раздумий третью часть и дать симфонии более привычное ликующее завершение. Но «подравнять» форму значило одновременно пригладить содер-

жание, и композитор на это не пошел.

Подобную же творческую принципиальность Г. Няга проявил и тогда, когда вопреки тенденции к установлению господства «оперы без пения» избрал в «Барбу Лэутару» путь выразительности и красоты, достигаемых человеческим голосом.

Своих героев композитор наделяет широко развитыми вокальными номерами. Что касается симфонического развития, то его роль также очень велика, но оно не подавляет и не подменяет стихию пения, а дополняет и обогащает ее, привносит в оперу динамизм и современность звучания.

Даже к небольшим своим сочинениям, которые заведомо не станут стержневыми в его творчестве, композитор относится с полной творческой отдачей, вкладывает в них максимум духовных сил. И поэтому его многочисленные инструментальные пьесы, хоры воздействуют на слушателей порой настолько сильно, что исчезает ощущение их камерности и миниатюрности. Именно так, в частности, были восприняты на недавно проходившем в Москве заседании секретариата Союза композиторов СССР хор Г. Няги «Линиште» и его скрипичная пьеса «Речитатив и Бурлеска». Достаточно привести только одно высказывание — композитора Б. М. Терентьева: «У меня осталось потрясающее впечатление от пьесы Няги. Автор словно подслушал сердце своего народа. Этот большой вдохновенный рассказ достоин лучших исполнителей...».

Автор этих строк не пытается сделать тайну из того, что любит музыку Г. Няги, непрестанно открывает в ней для себя новые источники эстетической радости. Не буду утверждать, что каждое произведение композитора совершенно. Какие-то погрешности можно, вероятно, отыскать даже в лучших его работах. Однако не отдельные просчеты определяют общий облик произведения искусства. Слушая музыку, мы прежде всего разграничиваем в ней искреннее от искусственного, самобытное от заимствованного. Отмеченное печатно подлинности, творчество Георгия Няги — мы в этом уже убеждались не раз — способно выдерживать самый строгий экзамен.

Е. КЛЕТНИЧ,
музыковед.

18 MAR 1978

СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ